ИНСТИТУТ ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц 42
А 521

Амфитеатровъ

ВРЕДНАЯ РАСА

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Alexander Amfiteatrof. = Die schädliche Rasse.

ЧД2
А521

ВРЕДНАЯ РАСА.

(БОРЬБА СЪ ДИНАСТІЯМИ)

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

15-го ноября 1905 г. въ Парижѣ, прочитанная въ пользу революціонныхъ организацій вооруженной самозащиты противъ „черныхъ сотенъ“.

Изданіе автора.

Цѣна 50 сант.

ЖЕНЕВА.

1905.

4902
A521

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

Alexander Amfiteatrof. = Die schädliche Rasse.

ВРЕДНАЯ РАСА.

(ВОРЬВА СЪ ДИНАСТІЯМИ)

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ

15-го ноября 1905 г. въ Парижѣ, прочитанная въ пользу революціонныхъ организацій вооруженной самозащиты противъ „черныхъ сотенъ“.

Изданіе автора.

Цѣна 50 сант.

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА.

ЖЕНЕВА.

1905.

2 экз.

1.

ЦД2
А 521

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 801
БИБЛИОТЕКА

2/5 413371/у

БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ

2012

ВРЕДНАЯ РАСА.

(ВОЙНА СЪ ДИНАСТІЯМИ)

День начался телеграммою о возобновленіи всеобщей забастовки. Весьма вѣроятно, что въ то самое время, какъ мы здѣсь на Avenue de Choisy — вы слушаете, я читаю, — гдѣ нибудъ на Васильевскомъ острову въ Петербургѣ или у Марьиной рощи въ Москвѣ, или на Новомъ Свѣтѣ въ Варшавѣ сверкаютъ финскіе ножи, летятъ въ дребезги стекла, льется кровь, пылаетъ пожаръ, трещатъ братоубійственные выстрѣлы гражданской войны. Недавняя побѣда русской свободы, къ сожалѣнію, гораздо болѣе скромная, чѣмъ ждали и заслужили своимъ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ и геройскою твердостью ея пассивные бойцы, разбудила свирѣпымъ испугомъ всю бездну ненависти, затаенную въ черномъ аду стараго порядка. Побѣжденные самодержавцы разнуздали насиліе, пьянство, разбой, невѣжество, фанатизмъ — всѣ темныя силы, воспитанныя въ Россіи подъ опекою Романова дома, и бросили ихъ, какъ свои послѣдніе, страшные резервы, на то рыцарство духа, которое зовется русскою революціей, котораго кровь, льющаяся десятками лѣтъ, горитъ на русскомъ небѣ мучительно красными зорями близко наступающихъ свободныхъ дней. Водка, подкупъ, попустительство къ грабежу, подстрекательство къ убійству, безстыжая провокація — таковъ активный арсеналъ Треповыхъ, Нейгардтовъ, Слѣпцовыхъ, Роговичей, Богдановичей, смиренныхъ епископовъ, вродѣ митрополита Владиміра московскаго и Никона Чудовскаго, священниковъ школы Побѣдоносцева

и Іоанна Кронштадскаго, земцовъ, подобныхъ Гучкову и Шмакову, журналистовъ въ типѣ Грингмута, Берга, Шарапова и иныхъ, иже съ ними. Почва, въ которую эти господа бросаютъ свой отравляющій посѣвъ, — довольно сложнаго состава. Въ числѣ элементовъ, объясняющихъ ея воспріимчивость ростить и множить кровавые плевелы фанатическихъ буйствъ, не малую роль играютъ злобный перепугъ и экономическая подозрительность мелкаго собственника, промышленника и торговца, которыхъ годъ революціи крѣпко ударилъ по карману. Классъ этотъ — маленькая черносотенная буржуазія — всюду наиболѣе отсталый политически, косный и консервативный по существу. У насъ же въ Россіи, по искусственнымъ условіямъ и дурнымъ привычкамъ своего историческаго развитія, онъ особенно нуждается въ покровительствѣ грубой силы, въ системѣ классоваго фаворитизма, откровенно согласной и приспособленной измѣрять жизнь не твердыми нормами непреложнаго закона, но покладливою зыбкостью произвола — безконечно продажнаго по непрестанной государственной недостачѣ въ деньгахъ и тупо жестокаго, не разсуждая властнаго, по одичанію своему на вѣковой стражѣ собственнаго самоохраненія. Этотъ элементъ, выдѣляемый въ черныя сотни низшими слоями третьяго сословія, которое на Руси и вообще то стоитъ не ахти какъ высоко, представляетъ собою волю невѣжественную, но сознательную и потому очень постоянную въ своей отзывчивости на иниціативы самодержавно-бюрократическаго террора. Собственно говоря, этотъ классъ русскаго народа — единственный, которому самодержавное правительство имѣетъ основаніе вѣрить въ преданности, обусловленной взаимными выгодами, и, дѣйствительно, вѣритъ крѣпко. Доказательство — пресловутая, уже въ вѣчность отшедшая Государственная Дума булыгинскаго проэкта, съ дверями, почти запертыми для мыслящихъ круговъ общества, но раскрытыми настежь для Разуваевыхъ, Колупаевыхъ, Финагеичей и Деруновыхъ. Неистоиства черныхъ сотень

третьяго сословія противъ освободительныхъ порывовъ русскаго общества имѣютъ почти пятидесятилѣтнюю исторію, начиная съ петербургскихъ и московскихъ избіеній студенчества въ 1862 году. Въ настоящее время эти неистовства дошли до апогея и ужаснули собою весь міръ. Я твердо увѣренъ, что русское общество побѣдоносно и даже безъ особенно напряженнаго труда сломитъ внезапную и вѣроломную атаку дикарей отечественной полу-цивилизаціи. Вѣдь весь короткій успѣхъ ихъ, даже при благосклонномъ бездѣйствіи, а то и при покровительствѣ и соучастіи полиціи и войскъ, объясняется только тѣмъ идеализмомъ, съ которымъ русская революція, вѣруя въ лучшія свойства природы человѣческой, пользовалась до сихъ поръ почти исключительно моральными средствами борьбы, поднимая оружіе лишь для единичной самозащиты или для единичныхъ же казней того или другого злодѣя, слишкомъ безжалостно усердствующаго на службѣ кровавой автократіи. Опыты и организаціи массовой самозащиты — совсѣмъ молодое, едва лепечущее дѣло въ процессѣ русской свободы, но предъ ними—огромное поле дѣйствія, они уже ростутъ и должны расти съ каждымъ днемъ и часомъ, потому что они насущно необходимы. Гражданская свобода слагается изъ реальной совокупности правъ, но право не есть реальное право, если оно не располагаетъ силою осуществлять свою идею и парализовать злую дѣятельность, устремленную противъ нея.

Второй элементъ черныхъ сотенъ — еще болѣе опасный въ острыхъ взрывахъ буйства, но, къ счастію, совершенно лишенный способностей къ хронической устойчивости, — выдѣляютъ тѣ, внѣ трудовыхъ условій живущіе, подонки городского пролетаріата, которыхъ враждебнѣе всего чуждается именно рабочій пролетаріатъ: хулиганство и босячество, показавшее себя въ Одессѣ, Кіевѣ, Кишиневѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ на Дону, ничуть не похожимъ на романтическихъ «бывшихъ людей», которыми такъ недавно увлекалъ

насъ вдохновенный Максимъ Горькій, да — будемъ надѣяться! — и еще не разъ увлечетъ. Очевидно, есть босякъ и босякъ! Разумѣется, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сознательномъ политическомъ міровозрѣніи: подъ знамена самодержавія эту праздную голытьбу, или, выражаясь юридическимъ языкомъ XVII Вѣка, «шлющійся народъ и прочіе сволочные люди», приводятъ патріотическіе полтинники, щедро расыпаемые по притонамъ портовъ, толкучекъ, Хитровыхъ рынковъ и Сѣнныхъ площадей. Полтинники, выпивка, погромныя и грабежныя перспективы, одичалая безшабашность и глубокое нравственное безразличіе, съ кѣмъ жить и кого бить. Это — кровавая поденщина, своего рода Валленштейновъ лагерь, или Тушинскій станъ. До тѣхъ поръ, покуда онъ таковъ, какъ засталъ его нашъ вѣкъ, — въ рубищѣ, опоркахъ, безъ крова, безъ семьи, безъ выхода въ будущее, на днѣ ночлежки, съ полубутылкою казенной водки вмѣсто обѣда и жаждою опохмѣлиться вмѣсто совѣсти, — до тѣхъ поръ мы не можемъ да и не имѣемъ права ожидать отъ него ничего добраго. Нельзя жать тамъ, гдѣ не сѣяно. «Велика сила шлющійся народъ!» говорилъ ловкій демагогъ Смутнаго времени, выборный царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Но русское общество слишкомъ поздно открыло на днѣ своемъ эту «велику силу» и не успѣло перемѣстить ее на устои своей освободительной работы. Революція застала «шлющійся народъ» въ тревожномъ и бродящемъ состояніи той стихійной, туманной, безсмысленной силы, которую вызывалъ Сатана въ «Донъ Жуанѣ» Толстого.

Смотрите: ревности полна,
Уже дрожитъ и зыблется она,
Всѣ виды принимать и образы готова.
Терпѣнье, бабушка! Жди знака или слова,
Потомъ уже не знай ни страха, ни любви,
Свершай, что велѣно, безъ мысли, безъ пощады,
И, воплотившись разъ, топчи, круши преграды—
И самое себя въ усердьи раздави!

Годъ тому назадъ, въ этотъ самый мѣсяцъ, я изу-

чалъ въ Сициліи тамошнюю мафію и рикотту: бытовыя группы, аналогическія съ хулиганскими слоями русскихъ черныхъ сотенъ. Въ эпоху освободительной войны, онѣ три раза переходили отъ Гарибальди къ Бурбонамъ и обратно и, на какой бы сторонѣ ни дрались, одинаково изумляли своею безпредметною яростью. Вѣроятно, рядъ подобныхъ же волшебныхъ измѣненій милаго лица явитъ масса «шлющагося народа» и въ предстоящихъ грозныхъ событіяхъ, которыя астрологи русской свободы довольно единодушно предсказываютъ на январь, а, впрочемъ, чтобы пророчествовать о нихъ, не надо быть и астрологомъ. Пора, господа, перестать обманывать себя идеологическими надеждами революціи по разуму, пассивно протестующая наглядность которой подаритъ — молъ русской свободѣ побѣды безъ насилія, добытыя построеніемъ логическихъ общественныхъ силлогизмовъ, хотя бы даже и такихъ массовыхъ и выразительныхъ, какъ недавняя самоотверженная забастовка, грандіознымъ единствомъ своимъ изумившая весь міръ. И, всетаки, какъ ни ясно звучалъ этотъ повелительный силлогизмъ, среди людей, которымъ онъ угрожалъ, онъ былъ либо вовсе не понятъ, либо понятъ лишь на половину. Витте, какъ человѣкъ практической смѣтки, понялъ на половину, но, какъ узкій бюрократъ и политикъ безъ совѣсти, вывелъ лишь то заключеніе, что революцію надо какъ нибудь надуть, — и надулъ бы, да сорвалось; Треповы, Нейгардты, Слѣпцовы ничего не поняли и вывели заключеніе, что надо рѣзать, — и рѣзали. Нельзя скрывать отъ себя, что революція входитъ въ тотъ фазисъ, котораго она всегда старалась и уповала избѣжать, но не удалось, — въ фазисъ гражданской войны. Пора назвать настоящимъ именемъ всѣ эти погромы, безпорядки, избіенія, драки и походы черныхъ сотенъ, Варѳоломеевскія дни и ночи, съ систематическими бойнями еврейства и образованныхъ классовъ общества. Мы вступили въ стихійный періодъ гражданскихъ войнъ, которыхъ будетъ не одна, и потянутся онѣ долго. Это хорошо сознаетъ, хотя не

называетъ дѣло по имени, и та самоотверженная молодежь, которая теперь волною устремляется изъ заграницы назадъ въ Россію, съ совершенно опредѣленною цѣлью защищать дѣло свободы отъ насилія черныхъ сотенъ вооруженною рукою, и тѣ жертвователи, которые покрываютъ своими именами подписные листы contre les Bandes Noires. Въ Россіи кипитъ гражданская война. Революціи не придется взять эту вину на свою совѣсть. Она истратила всѣ убѣжденія слова и факты, чтобы добиться отъ стараго режима перестройки обветшалаго государства путемъ мирнымъ. Тысячи людей пожертвовали своею кровью, надѣясь ею купить Россіи свободу безъ кровопусканія изъ массъ. Не революція начала гражданскую войну: ее начало самодержавіе, ее открыли Треповы, Нейгардты, Владимиры, Никоны, Шмаковы, Крушеваны, Шараповы, Берги — открыли измѣною, предательствомъ, рѣзнею безоружныхъ, кровавыми банями и Варѳоломеевскими ночами. Событія послѣднихъ русскихъ недѣль ужасны, но унывать предъ ними не слѣдуетъ. На ряду съ ужасами внѣшней жестокости, всѣ эти звѣри повсемѣстно обнаружили поразительную и глубоко знаменательную внутреннюю слабость. Самая крайность ихъ безобразій показываетъ, что они напряглись изъ послѣднихъ средствъ. У нихъ нѣтъ арміи, и они должны были схватиться за орду, пролетѣвшую по Россіи смерчами и ураганомъ. Но — пролетѣли смерчи и ураганъ: сломали, исковеркали, разорили, испортили много, а что же они перемѣнили? Кого они побѣдили? Отняла ли эта проклятая буря у русской революціи хоть вершокъ ея общей побѣды? Привела ли она хоть кого-нибудь къ примиренію съ старымъ режимомъ? Заставила ли она хоть одну общественную группу отказаться отъ идеаловъ свободы? Россія завалена трупами, вопіющими объ отмщеніи, но надъ трупами твердо встаютъ новые живые бойцы — и число ихъ все больше, и знамена ихъ ярче, и голоса все грозніе, и руки ихъ ищутъ оружія. Никто не испуганъ, и всѣ озлоблены. Никто не

ждетъ милостей, всѣ хотятъ права, всѣ ненавидятъ, всѣ жаждутъ борьбы, всѣ живутъ страстною надеждою, что

Близокъ судный день расплаты,
Когда судьями будемъ мы!

Изъ русскихъ городовъ ежедневно приходятъ вѣсти о живой организаціи народной самозащиты. Еще немного терпѣнія, еще немного усилій, еще немного жертвъ, и ордѣ черныхъ сотенъ противостанутъ стройныя силы революціонной милиціи, о которую эти орды и разобьются, по всей вѣроятности, даже безъ сраженій. Вѣдь всякая орда удала только покуда она чувствуетъ за собою абсолютную силу и не встрѣчаетъ органическаго сопротивленія. Да, и, вообще, городская орда, можетъ быть, и побушуетъ еще въ Россіи, но на нее, какъ контръ-революціонную силу, разсчеты правительства истощаются: недаромъ же господинъ Витте долженъ былъ убрать въ отставку наиболѣе энергическихъ атамановъ въ губернаторскихъ мундирахъ! Нельзя вѣдь ужъ слишкомъ то довѣрять ордѣ. Нельзя забывать, что «дрожитъ и зыблется она, всѣ виды принимать и образы готова»! Почти всѣ погромы орды совершаются въ такомъ порядкѣ, что самодержавіе сперва бросаетъ черныя сотни на революціонные элементы, а затѣмъ должно осыпать своими пулями тѣ же самыя черныя сотни, чтобы спасти отъ опасности собственныя учрежденія. Забыты ли въ черныхъ сотняхъ эти финальныя пули? Не думаю. Я повторяю безъ всякаго оптимизма: отъ черносотенныхъ ордъ надо ждать еще многихъ бѣдъ для дѣла свободы, но — злой духъ, разнузданный колдуномъ, чтобы терзать его враговъ, рано или поздно бросается на самого заклинателя. Для этого ему надо лишь въ колдунѣ своемъ разочароваться.

Не слѣдуетъ представлять себѣ противника хуже, чѣмъ онъ есть. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ черныхъ сотняхъ, какъ ни принижены, въ общемъ, ихъ умственный и, въ особенности, нравственный уровень,

участвуютъ не все люди корыстолюбія, водки, бахвальства, тираны по призванію и разбойники для разбоя. Необходимо допустить и признать за фактъ существованіе огромнаго числа людей, которыхъ поставилъ подъ знамя реакціоннаго бунта совершенно искренній фанатизмъ къ тремъ вѣковымъ обманамъ, на знамени начертаннымъ: «самодержавіе, православіе, народность.» Истрепанное и съ глубоко надрубленнымъ древкомъ, знамя это окружено дикими суевѣріями, взращенными на почвѣ религіозныхъ, расовыхъ, національныхъ, сословныхъ и образовательныхъ предразсудковъ. Его стражи — закоренѣлое политическое безмысліе, рабское воспитаніе, природное и искусственное невѣжество. Между искренними людьми, безсознательно или полусознательно пятнающими свою совѣсть въ злодѣяніяхъ черныхъ сотенъ, и обманнымъ знаменемъ, которому они приносятъ свои безсмысленно свирѣпыя гекатомбы, густо толпятся призраки, разогнать которые даже оружіе не въ силахъ будетъ безъ опоры на живое доказательство словомъ и фактомъ. Черныя сотни перестанутъ быть черными только тогда, когда ихъ выбѣлитъ образованіе и конкретное сознаніе новой соціальности, съ конкретнымъ же отрицаніемъ лжей стараго порядка. Тысячи людей судорожно держатся за преданія самодержавія, какъ за обломки храма, — докажите имъ неотразимыми фактами, что это обломки совсѣмъ не храма, но дома терпимости, и эти тысячи людей отойдутъ отъ нихъ съ омерзѣніемъ. Собственно говоря, изъ трехъ девизовъ самодержавнаго знамени, настоящій — только одинъ первый: самодержавіе. Православіе и народность — лишь маски, въ которыя оно облекается для удобнѣйшаго исполненія своихъ программъ. Нечего и говорить, что срывать эти маски всюду, гдѣ онѣ показываютъ свои лицемѣрныя гримасы,—первая обязанность каждаго, кому дорога свобода Россіи. Матеріалистическія ученія, протестантскій раціонализмъ, штунда и Левъ Толстой достаточно издырявили первую маску. Православіе стало сквозить та-

кими откровенными пророками, что самодержавіе само сдаетъ его понемножку въ архивъ, за ненадобностью. Сперва его авторитетомъ поступились, за приличную сумму, для раскольниковъ, а потомъ польстили вѣку обѣщаніями общей вѣротерпимости — настолько, что даже спустили съ синода символическій флагъ К. П. Побѣдоносцева. Прочіе держится маска народности. Тысячи людей, глубоко недовольныхъ и возмущенныхъ правленіями послѣднихъ Романовыхъ, сохраняютъ еще, однако, рабскую преданность ихъ дому, въ которомъ они видятъ охрану и символъ русской народности.

II.

Въ русскомъ самодержавіи все нелѣпо, все противно здравому смыслу и логикѣ, все миоы и фикціи, искусственно навязанныя народному воображенію, все — ширмы, насильственно поставленныя между разумомъ и дѣйствительностью, все — подлогъ, обманъ и ложь.

Миоъ — уже самая фамилія Романовыхъ, которою самозванно украшаютъ себя русскіе самодержавные цари. Миоъ — принадлежность русскихъ самодержавныхъ царей къ русской народности, надъ которою они владычествуютъ. Прилагательное «русскій» никогда не звучитъ болѣе злою насмѣшкою, чѣмъ въ качествѣ эпитета къ существительному «царь»: — славься, славься, ты, русскій царь... Въ русскихъ царяхъ и въ родѣ ихъ, именующихъ себя Романовыми, нѣтъ ни одной капли ни русской, ни вообще славянской крови, а тѣмъ паче — крови, призваннаго въ 1612 году на царство, боярскаго рода Романовыхъ.

Родъ этотъ, въ послѣдовательныхъ царственныхъ поколѣніяхъ, далъ Россіи слѣдующихъ несомнѣнныхъ Романовыхъ и безъ примѣси чужеземной крови:

1. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.
2. Царь Алексѣй Михайловичъ.
3. Дѣти царя Алексѣя Михайловича: отъ Марьи Иль-

ничны Милославской — царь Федоръ Алексѣевичъ, правительница Софья Алексѣевна, царь Іоаннъ Пятый Алексѣевичъ и пять ихъ сестеръ; отъ Натальи Кириловны Нарышкиной — царь Петръ Первый Алексѣевичъ и двѣ дочери.

4. Императрица Анна Іоанновна и Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, дочери царя Іоанна Алексѣевича отъ Прасковьи Салтыковой.

Въ этомъ же четвертомъ поколѣніи царственныхъ Романовыхъ чистой русской крови — послѣдній изъ нихъ: царевичъ Алексѣй Петровичъ — знаменитый своею несчастною судьбою, сынъ Петра Великаго отъ Евдокіи Лопухиной, казненный отцомъ за государственную измѣну. Затѣмъ идутъ Романовы — уже полукровки, съ нѣмецкими матерями, въ томъ же четвертомъ поколѣніи — императрицы Елизавета Петровна и Анна Петровна, герцогиня голштинская, дочери Петра Великаго и Екатерины I: остзейской нѣмки, шведки или эстонки, настоящая фамилія которой даже неизвѣстна: русскій плѣнъ застал эту таинственную Марту горничною у маріенбургскаго пастора Глюка, и она долго слыла подъ его именемъ, какъ пріемная дочь; затѣмъ, въ современныхъ документахъ она проходитъ, въ теченіе десяти лѣтъ до 19 февраля 1712 года, когда обвѣнчался съ нею Петръ Великій, подъ фамиліями Сковородской, Скавронской, Веселевской, Василевской и Катерины Михайловой. Потомки крѣпостной родни императрицы Екатерины получили фамилію графовъ Скавронскихъ: вѣрный признакъ, что она не принадлежала имъ, когда они ходили на барщину. — Такихъ воспоминаній на высотѣ трона сохранять не любятъ. Въ слѣдующемъ, пятомъ, поколѣніи — императоръ Петръ Второй, сынъ царевича Алексѣя Петровича и принцессы Шарлотты Брауншвейгской, и сестра его Наталья.

Злополучный ребенокъ, предполагавшійся императоромъ Россіи подъ именемъ Іоанна Шестого Антоновича, былъ уже нѣмцомъ во второмъ поколѣніи. И отецъ его Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, и дѣдъ герцогъ Мек-

ленбургскій были чистокровные нѣмцы. Мать, Анна Леопольдовна, — русская только по матери, Екатеринѣ Ивановнѣ, герцогинѣ мекленбургской, но нѣмка по отцу и воспитанію. Романовымъ, вымиравшимъ къ тому времени, этотъ несчастнѣйшій малютка приходился, въ полномъ смыслѣ слова, седьмою водою на киселѣ: правнукъ, по женской линіи, царя Іоанна Алексѣевича, и двоюродный внукъ императрицы Анны Іоанновны.

Такъ же мало Романовъ и такой же нѣмецъ — голштинскій герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, посаженный императрицею Елизаветою Петровною править Россіей подъ именемъ Петра III Ѳеодоровича, сынъ голштинскаго герцога Карла Фридриха и Анны Петровны, дочери Петра Великаго отъ нѣмки Марты Скавронской. Смертью «голштинскаго Романова» кончилась династія Романовыхъ не только фактическихъ, но и номинальныхъ, фиктивныхъ, придуманныхъ политикою русскихъ благодѣтелей вродѣ Бирона, Миниха, Остермана и Алексѣя Бестужева,—какими поддѣльными Романовыми былъ онъ самъ, голштинскій протестантскій принцъ, и несчастный Іоаннъ Антоновичъ, также вскорѣ зарѣзанный въ темницѣ своей, въ Шлиссельбургѣ. Послѣднею же дѣйствительною Романовою по крови была, конечно, императрица Елизавета Петровна. Такъ какъ насъ интересуетъ въ настоящемъ изслѣдованіи только вопросъ о кровномъ родствѣ, опредѣляющемъ національность царствующей династіи, то я оставляю въ сторонѣ споры о законности Елизаветы, какъ наслѣдницы русскаго престола, въ качествѣ дочери отъ «неправаго ложа»: она родилась въ 1709 году, когда Марта Скавронская не только не была женою Петра I, но и числилась оффиціально замужемъ за придворнымъ поваромъ. На этомъ мотивѣ былъ построенъ заговоръ противъ Елизаветы камеръ-лакея Александра Турчанинова, съ товарищами, раскрытый около 15 іюля 1742 года. На незаконности рожденія Елизаветы съ особеннымъ упорствомъ настаивалъ расколъ. Юридическая справедливость, конечно, на сторонѣ этихъ отрицателей, но вотъ

— образецъ исторической непослѣдовательности: тотъ же самый расколъ обоготворилъ преемника Елизаветы, Петра Ш, хотя онъ, какъ сынъ единокровной и единоутробной сестры ея Анны Петровны, отпрыскъ того же «неправаго ложа», что ставилось въ вину Елизаветѣ.

Гвардейскій переворотъ 1762 года, извѣстный подъ названіемъ «Петербургскаго дѣйства», посадилъ на тронъ Екатерину Вторую, такъ называемую Великую,— урожденную принцессу Софію Ангальтъ Цербстскую, нѣмку чистѣйшей крови, не имѣвшую ничего общаго съ Романовыми. «Права» ея на романовскій престолъ лучше всего изображаетъ ея современникъ, французскій дипломатъ Бераніе, писавшій 23 іюля 1762 года: — Разсуждая хладнокровно, — нечего сказать, красивая картина для характеристики націи. Съ одной стороны низвергнутъ съ трона и умерщвленъ внукъ Петра Великаго (по женской линіи — Петръ Ш), съ другой — томится въ цѣпяхъ (въ Шлиссельбургѣ) правнукъ Іоанна Пятаго (по женской линіи — Іоаннъ Антоновичъ), тогда какъ принцесса Ангальтская узурпируетъ корону ихъ предковъ, предпосылая своему воцаренію цареубійство...

Супружескія отношенія Екатерины къ послѣднему номинальному Романову, императору Петру Ш, были крайне несчастны, а его къ ней отвратительны. Предполагаютъ, однако, что сынъ Екатерины, императоръ Павелъ, прижитъ ею, всетаки, отъ законнаго мужа, императора Петра Ш, котораго она свергла съ престола и 6-го іюля 1762 года убила въ Ропшѣ руками своихъ любовниковъ, братьевъ Орловыхъ. Предположеніе это подвергалось многимъ сомнѣніямъ, пищу которымъ давали: 1) физическое безобразіе Павла, уродившагося ни въ мать, ни въ отца, какимъ то случайнымъ чухонцемъ; 2) безпорядочный развратъ Екатерины; 3) не материнское отвращеніе ея къ своему наслѣднику; и 4) болѣзненная, даже злобная щепетильность сыновей Павла Перваго, — въ особенности, императора Николая, — по отношенію къ вопросу о законнорожденности

отца ихъ. По наиболѣе распространенной легендѣ, Павелъ — плодъ любовной связи Екатерины съ Сергѣемъ Салтыковымъ. Декабристъ Муравьевъ заплатилъ жизнью за удовольствіе бросить въ лицо Николаю I попрекъ этою родословною. Но всякая недоказанная легенда, вестаки, не болѣе, какъ сказка-складка. И именно отвращеніе Екатерины къ сыну, который, съ своей стороны, платилъ ей также совершенно звѣриною ненавистью, употребилъ всѣ усилія, чтобы отравить и осквернить ея предсмертныя минуты и самыя похороны матери обратилъ въ трагически шутовскую казнь ея памяти. — такъ вотъ, говорю я, именно взаимоотвращеніе это является психологическимъ противопоказаніемъ салтыковской гипотезѣ. Салтыковъ былъ красавецъ, и Екатерина любила его искренно. Откуда же взяться сыну-уроду? И за что ненависть? Екатерина имѣла не мало внѣбрачныхъ дѣтей и, хотя особенно нѣжною и страстною матерью она не выказала себя ни къ одному изъ нихъ, однако, этимъ чадамъ любви нечѣмъ было упрекнуть свою царственную родительницу: всѣ они получали блестящее воспитаніе, титулы, карьеру, громадныя богатства. Бобринскій былъ осыпанъ щедротами Екатерины не только откровенно, но даже какъ то подчеркнуто, будто на показъ предъ цѣлою Европою. И до сихъ поръ Бобринскіе — одна изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ дворянскихъ фамилій въ Россіи, — фанатическіе приверженцы автократіи и, такъ сказать, косвенные столпы Романова дома, столь близкаго имъ по общей родоначальницѣ. Еще недавно современный глава рода Бобринскихъ явился организаторомъ пресловутой старо-дворянской депутаціи, представшей Николаю II въ Царскосельскомъ дворцѣ съ совѣтомъ, похожимъ на приказъ, стоять за самодержавныя преданія, не уступая ни пяди. Судьба другихъ дѣтей Екатерины была менѣе счастлива, но не по винѣ матери, а просто они умирали слишкомъ молодыми, сперва погибнувъ нравственно, избалованные подлою лестью и роскошью двора, потомъ надломленные опасностями своего двусмы-

сленнаго положенія. Такъ что, изъ всѣхъ нарожденій Екатерины, сердце ея было глухо закрыто лишь для Павла, и эта исключительность скорѣе говоритъ за его законное происхожденіе, чѣмъ противъ него. Женщинѣ съ умомъ, характеромъ и талантами Екатерины не легко было семнадцатилѣтнее иго брака, въ которомъ и мужъ, и Елизавета низвели ее до постыдно пассивной, исключительно физической роли самки-производительницы, не любимой, презираемой, ругаемой, за то, что она «не оправдываетъ династическихъ ожиданій». Судьбу Екатерины въ царствованіе Елизаветы нѣсколько напоминаетъ чрезвычайно хмурое отношеніе русскихъ монархистовъ-патріотовъ къ нынѣшней императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ до рожденія ею цесаревича Алексѣя. Прибавьте же къ этому грубость тогдашняго вѣка, самодурскую властность и распутную подозрительность Елизаветы, пьяный хаосъ и позолоченную грязь ея безстыднаго двора. Да и, какъ ни безнадежно плохъ Николай II въ качествѣ государя, все же онъ, по общимъ отзывамъ знающихъ людей, въ частной жизни человѣкъ приличный, семьи своей въ адъ не обращаетъ и — не имѣй онъ несчастія и преступленія быть русскимъ императоромъ, былъ бы очень милымъ и спокойнымъ буржуа: мирнымъ мужемъ своей жены и отцомъ своихъ дѣтей. Но вѣдь недаромъ Ключевскій не нашелъ для Петра III иной характеристики, кромѣ — «скомороха!» Петръ III — фигура столь необычайной низости и пошлости общежитной, точно его, какъ Достоевскій о комъ то выразился, сорокъ лакеевъ сочиняло! Павелъ оставался для Екатерины живымъ памятникомъ свергнутаго брачнаго ига, оскорбительно рабскихъ, хуже, чѣмъ наложническихъ, отношеній къ пьяному, грязному, сальному шуту, котораго она ненавидѣла и при жизни, и въ памяти всею полнотою и силою своей огромной души. Бѣдный памятникъ былъ не виноватъ въ томъ, что онъ явился на свѣтъ, — но дпво ли, что озлобленная мать отразила на памятникѣ ненависть къ трупу, который подъ нимъ зарыла?

Наравнѣ съ салтыковскою легендою, пора отвергнуть или, по крайней мѣрѣ, признать за крайне сомнительныя другія ходячія сказанія о Павлѣ. Будто онъ — обмѣнокъ финскаго или даже киргизскаго происхожденія, подкинутый императрицею Елизаветою, въ интересахъ престолонаслѣдія, вмѣсто дочери, которою, въ дѣйствительности, разрѣшилась отъ бремени 20 сентября 1754 года великая княгиня Екатерина. Будто Екатерина, въ виду придворныхъ интригъ, стремившихся устранить ее отъ брака, яко своего рода «безплодную смоковницу», разыграла фиктивную беременность съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ наши дни злополучная сербская королева Драга, и воспользовалась для этой цѣли первымъ новорожденнымъ младенцомъ, котораго могла добыть къ должному сроку. Наконецъ, будто, по фамильному соглашенію, такимъ случайнымъ младенцомъ былъ замѣненъ подлинный сынъ Петра и Екатерины, родившійся мертвымъ или умершій въ ночь своего рожденія. Происхожденіе императора Павла — основа современнаго дома Романовыхъ, а потому и важнѣйшая въ немъ династическая тайна. Очень можетъ быть, что она уже раскрыта для самихъ Романовыхъ послѣ 1901 года, когда исполнилось столѣтіе со смерти Павла. По крайней мѣрѣ, петербургскіе слухи упорно повторяли тогда, что исполнился срокъ къ распечатанію тайнаго Павлова архива, находившагося въ теченіе цѣлаго вѣка подъ фамильнымъ запретомъ царя пра-прадѣда. Такъ ли это, нѣтъ ли, но, во всякомъ случаѣ, мы, какъ и всѣ русскіе люди, въ романовскій секретъ не посвящены, а потому намъ будетъ надежнѣе и благоразумнѣе всего принять о Павлѣ I старое юридическое рѣшеніе: pater est quem nuptiae demonstrant, — ребенокъ принадлежитъ тому, съ кѣмъ мать въ бракѣ. Будемъ считать Павла и законнымъ, и дѣйствительнымъ сыномъ Петра III.

Въ вопросѣ національности эта законность, конечно, не улучшаетъ, но ухудшаетъ дѣло. По фамиліи, Павелъ Первый никакъ не можетъ быть Романовымъ,

Института В. И. Ленина

ибо онъ сынъ герцога Гольштейнъ-Готорпскаго и принцессы Ангальтъ Цербстской. По крови — сынъ нѣмца во второмъ поколѣніи и чистокровной нѣмки. Итакъ, самъ онъ, Павелъ, конечно, былъ тоже нѣмецъ и нѣмецъ уже третьяго поколѣнія. И этотъ нѣмецъ, въ свою очередь женившійся на нѣмкѣ же (Марія Федоровна Виртембергская), есть истинный мужской родоначальникъ той фамиліи, которая царствуетъ въ Россіи съ 1796 года, почему то называя себя «домомъ Романовыхъ», хотя съ ними она, какъ мы видѣли, не имѣетъ рѣшительно никакой связи — ни родственной, ни своиственной, ни даже національной.

Нѣмецъ Павелъ Первый предусмотрительно установилъ для своего потомства чинъ престолонаслѣдія, дѣйствующій еще и понынѣ... будемъ надѣяться, что не надолго! Потомство нѣмца Павла Перваго, брачась исключительно съ нѣмецкими принцами и принцессами, продолжало рядъ нѣмецкихъ поколѣній.

Нѣмецкое поколѣніе 4. Дѣти Павла и Марьи Федоровны: Александръ Первый, Константинъ Павловичъ, Николай Первый, Михаилъ Павловичъ и дочери.

Нѣмецкое поколѣніе 5. Дѣти императора Николая I и Александры Федоровны: Александръ II, великіе князья Константинъ, Николай, Михаилъ Николаевичи и дочери.

Нѣмецкое поколѣніе 6. Дѣти императора Александра II и Маріи Александровны Гессенъ-Дармштадтской: Александръ III, цесаревичъ Николай Александровичъ, великіе князья Владимиръ, Алексѣй, Сергѣй, Павелъ Александровичи, Марія Александровна Кобургъ-Готская.

Нѣмецкое поколѣніе 7. Дѣти императора Александра III и Маріи Федоровны (Дагмары Датской): Николай II, цесаревичъ Георгій, великій князь Михаилъ Александровичъ, великія княгини Ксенія и Ольга Александровны.

Нѣмецкое поколѣніе 8. Дѣти императора Николая II и Александры Федоровны (Алисы Гессенъ-

Дармштадтской): цесаревичъ Алексѣй и четыре дочери.

Восемь поколѣній нѣмецкой крови безъ малѣйшаго прилива русской или какой либо славянской!... Во истину ужъ — «Славься, славься, ты, русскій царь!» — наслѣдникъ Мономаха, которому, по немножко запоздалымъ надеждамъ московскихъ панславистовъ, предстоитъ, будто бы, объединить всѣхъ славянъ въ расовую имперію и нарецись изъ императора всероссійскаго самодержцемъ всеславянскимъ! Въ послѣднее время нѣкоторыя парижскія газеты, стоящія въ нѣжныхъ отношеніяхъ къ русскому министерству иностранныхъ дѣлъ, а, можетъ быть, и внутреннихъ, а, можетъ быть, и финансовъ, изобрѣли новый способъ вредить русскому освободительному движенію въ общественномъ мнѣніи Франціи. Онѣ запугиваютъ французскій патріотизмъ коварными намеками, будто русская революція — дѣло нѣмецкой политики, и пожаръ ея питается нѣмецкими деньгами. Пріемъ — для насъ почти смѣшной, по дѣтской дерзости завѣдомой лжи, но для французской публики, замученной сомнѣніями о долгахъ русскаго самодержавія и совершенно не освѣдомленной еще о существѣ русской революціи, онъ — выстрѣлъ ловкій. Мы совершенно чужды какихъ либо національныхъ предубѣжденій и глубоко уважаемъ огромныя историческія заслуги и культурныя достоинства германской расы: нѣмцы — прекрасный народъ, если они не юнкеры, не полицейскіе и не государи. Но, конечно, это совсѣмъ не причина, чтобы репутація русской свободы принимала во Франціи, изъ за мѣстной антипатіи къ нѣмцамъ, въ чужомъ пиру похмѣлье. На тѣхъ изъ насъ, кто вхожъ во французское общество и причастенъ къ французской печати, лежитъ прямая обязанность употребить самыя энергическія усилія, чтобы разсѣять миражъ вредной клеветы. Да! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская революція — результатъ нѣмецкой, даже чрезвычайно нѣмецкой, въ восьми поколѣніяхъ нѣмецкой политики! Только нѣмцовъ то этихъ, которые своею

скверною политикою сдѣлали революцію единственною спасительною надеждою нашей несчастной, нищей, залитой кровью, ограбленной, отчаянной родины, пусть этихъ преступныхъ нѣмцовъ ищутъ наши друзья-французы не въ редакціяхъ, народныхъ союзахъ и митингахъ свободной Германіи, но въ Зимнемъ и Аничковомъ дворцѣ, въ убѣжищахъ Гатчины, Царскаго Села и Петергофа, у Копенгагенскаго королевскаго очага и на броненосцахъ той эскадры, которую любезно предложилъ Николаю II императоръ Вильгельмъ для разстрѣлянія взбунтовавшихся кронштадцевъ.

III.

Законъ престолонаслѣдія, сочиненный нѣмцомъ Павломъ Первымъ, признаетъ правильными и полноправными только тѣ браки въ потомствѣ «дома Романовыхъ», которые заключаются съ принцами и принцессами другихъ царствующихъ домовъ Европы или предполагаемыхъ царствующими. То есть — ставитъ условіе, которому не удовлетворилъ бы рѣшительно ни одинъ изъ настоящихъ Романовыхъ, кромѣ послѣдняго ихъ, четвертаго поколѣнія: Алексѣя Петровича, Анны Петровны и Екатерины Ивановны. Изъ Романовыхъ московскаго періода только Михаилъ Ѳедоровичъ сватался къ иностраннымъ принцессамъ — къ Екатеринѣ, свояченицѣ знаменитаго шведскаго короля Густава-Адольфа, и къ племянницамъ датскаго короля Христіана IV. Сватовство кончилось ничѣмъ. Густавъ-Адольфъ отказалъ русскому посольству по причинѣ разности исповѣданій жениха и невѣсты. А надменный Христіанъ просто напросто не принялъ князя Львова и дьяка Шипова, отправленныхъ сватами «провѣдывать, которая изъ дѣвицъ къ великому дѣлу година, чтобъ была здорова, собою добра, не увѣчна и въ разумѣ, и какую выбе-

рутъ, о той и договоръ съ королемъ становить». Очевидно, Христіанъ IV смотрѣлъ на царя новой русской династіи, какъ на выскочку, не лучше, чѣмъ нынѣшніе Романовы смотрятъ на Баттенберговъ, Нѣгошей, Обреновичей и Карагеоргіевичей. Такимъ образомъ, наслажденіе имѣть супругою самодержца датскую принцессу отсрочилось для Россіи на 245 лѣтъ и на пять Христіановъ. Христіанъ IX, въ своемъ качествѣ всеевропейскаго свата, оказался любезнѣе Четвертаго, и подарилъ нашему отечеству дочь свою Дагмару, нынѣ вдовствующую императрицу Марію Федоровну. Такъ какъ католическія династіи, крайне аристократическія, надменныя и непокладистыя въ вопросахъ культа, оказались потомству Павла для брачныхъ союзовъ не съ руки, а династій православныхъ XVIII вѣкъ не выработалъ, и зародились онѣ, съ грѣхомъ пополамъ и не на долго, только въ половинѣ вѣка XIX, то обязательство Павла I, нелѣпѣйшее и противное демократическому духу русскаго народа, должно было повести и, дѣйствительно, повело къ тремъ плачевнымъ династическимъ послѣдствіямъ.

I. Самозванный «домъ Романовыхъ» навсегда закабалился въ брачную крѣпость маленькимъ дворамъ протестантскаго вѣроисповѣданія, со всѣми, вредными для государства россійскаго, политическими послѣдствіями этого мелкопомѣстнаго и нищаго свойства.

II. Лишился возможности спастись отъ вырожденія какою либо примѣсью свѣжей инородной крови.

III. За неимѣніемъ, за неохотою или за политическимъ неудобствомъ иноземныхъ жениховъ (въ особенности) и невѣстъ, принужденъ все чаще и чаще заключать кровосмѣсительные браки въ нѣдрахъ собственной семьи, что, опять таки, неуклонно ведетъ впередъ, ускоряетъ и обостряетъ роковой процессъ вырожденія. Великія княжны «дома Романовыхъ» рѣдко находятъ хорошихъ жениховъ при большихъ европейскихъ дворахъ. Послѣдній эффектный бракъ такого рода считаетъ себѣ уже 34 года: это свадьба великой княж-

ны Марьи Александровны съ вторымъ сыномъ англійской королевы Викторіи, принцемъ Эдинбургскимъ, впослѣдствіи герцогомъ Кобургъ-Готскимъ. Объ дочери Александра II вышли замужъ за близкихъ родственниковъ: Ксенія — за дядю, Ольга — за двоюроднаго брата. Царь Николай II и Сергѣй Александровичъ, племянникъ и дядя, женились на двухъ сестрахъ, принцессахъ Гессенъ-Дармштадтскихъ. Павелъ Александровичъ былъ женатъ, въ первомъ бракѣ, на племянницѣ своей, Александрѣ Георгіевнѣ Греческой и т. д. Вообще дворы русскій, датскій, греческій и гессенъ-дармштадтскій перепутались во взаимномъ скрещеніи до того, что какой то досужій нѣмецкій острякъ высчиталъ однажды, кажется, по поводу свадьбы Елены Владимировны, что ея дѣти будутъ приходиться сами себѣ дядями и тетками. Въ семьѣ царей, утверждающихъ свой гнетъ на имени православія, нѣтъ почти ни одного брака, допустимаго православнымъ закономъ. Еслибы подданные русскаго императора попробовали послѣдовать въ своихъ бракахъ примѣрамъ царской семьи, они подлежали бы судебному преслѣдованію и церковному покаянію, Побѣдоносцевъ, анаоематствуя, потребовалъ бы расторженія ихъ союзовъ, а Саблеръ, какъ юристъ-схоластикъ, квалифицировалъ бы сіи беззаконія кровосмѣсительнымъ конкубинатомъ.

Всѣ приливы русской крови въ эту замкнуто-нѣмецкую династію, хотя бы и узаконенные церковнымъ бракомъ, принимались ею, какъ фамильныя преступленія, и влекли за собою для виновныхъ серьезныя послѣдствія, съ ограниченіемъ или даже лишеніемъ семейныхъ, служебныхъ и политическихъ правъ.

Одѣть всѣми законными правами свой морганатическій бракъ умѣлъ только одинъ изъ Романовыхъ,—чудо всего ихъ дома, геніальный «уродъ въ семьѣ»,— Петръ Великій. Остерманъ разстроилъ объ предполагавшіяся свадьбы Петра II съ русскими княжнами—Маріей Меньшиковой и Екатериною Долгорукою. Елизавета Петровна, на предложеніе Ивана Долгорукаго, отвѣчаетъ, что

скорѣе умретъ, чѣмъ выйдетъ замужъ за подданнаго. Понимай: открытымъ бракомъ, потому что тайнымъ она впослѣдствіи очень спокойно сочеталась съ Алексѣемъ Разумовскимъ, хотя послѣдній былъ съ головы до ногъ «подданный»: не родовитый князь и первый человѣкъ въ государствѣ, какъ Иванъ Долгорукій, но простой пѣвчій изъ малороссійскихъ казаковъ. Секретъ Елизаветина брака, памятникомъ котораго осталась корона на Покровской церкви въ Москвѣ, соблюдался въ XVIII вѣкѣ очень строго. Настолько, что впослѣдствіи самъ Разумовскій уничтожилъ документы о своемъ бракосочетаніи съ императрицею — отчасти боясь преслѣдованій Екатерины II, отчасти — по просьбѣ Наличныхъ, которые опасались, что Екатерина въ бракѣ Елизаветы съ Разумовскимъ найдетъ основательный предлогъ, чтобы самой закрѣпить бракомъ свою связь съ Григоріемъ Орловымъ. Политическимъ результатомъ этой странной тайны была постыдная, двусмысленная и до сихъ поръ загадочная исторія несчастной княжны Таракановой — если и самозванки, то, несомнѣнно, одной изъ самыхъ искреннихъ и добросовѣстно убѣжденныхъ въ своемъ высокомъ происхожденіи, какихъ только знаетъ исторія. Петръ III имѣлъ намѣреніе развестись съ Екатериною, чтобы жениться на Елизаветѣ Воронцовой и короновать ее, какъ императрицу, но Екатерина и Орловы предупредили его переворотомъ «Петербургскаго дѣйства». Сама Екатерина усердно производила на свѣтъ Бобринскихъ, «незнаемыхъ любимцевъ» Галактіоновъ, Воспяныхъ, «дочерей камеръ юнферы Протасовой», но упорно отказывалась отъ брака съ отцомъ всѣхъ этихъ разноименныхъ дѣтей, Григоріемъ Орловымъ, и очень обрадовалась, когда Разумовскій сожженіемъ своихъ бумагъ обратилъ изъ факта въ легенду свой царственный бракъ и тѣмъ положилъ конецъ обязующему прецеденту.

Но всѣ эти старыя исторіи относятся къ тѣмъ временамъ, когда главы государствъ чувствовали себя больше хозяевами въ своемъ домашнемъ быту. Перейдемъ

въ вѣкъ девятнадцатый. Здѣсь, уже по первой памяти, легко назвать рядъ фамильныхъ драмъ, возникавшихъ въ домѣ Романовыхъ на почвѣ неравныхъ браковъ и часто имѣвшихъ для Россіи самыя тяжкія политическія послѣдствія.

Такъ, въ числѣ причинъ, создавшихъ разрывъ Александра I съ Наполеономъ, не на послѣднемъ мѣстѣ надо поставить чванство и злобу вдовствующей императрицы Марьи Федоровны. Обозленная рѣзкимъ мнѣніемъ Наполеона объ убійствѣ Павла Перваго, совершенномъ съ вѣдома и благословенія его супруги, а также крутою расправою Франціи съ маленькими германскими дворами, ей родственными, эта виртембергская принцесса употребила все свое вліяніе, чтобы разрушить проэктъ «неравнаго» брака между «Бонапартомъ», выслужившимся въ императоры изъ артиллерійскихъ поручиковъ, и великою княжною Анною Павловною. Боязнь Маріи Федоровны къ столь «унизительному» союзу была настолько велика, что, воспользовавшись правомъ, предоставленнымъ ей по завѣщанію Павла Перваго, вдовствующая императрица и другую дочь свою, Екатерину Павловну, поспѣшила застраховать отъ подобной опасности бракомъ съ герцогомъ Ольденбургскимъ. Съ тѣхъ поръ Ольденбургская династія, лишенная Наполеономъ ея владѣній, сѣла на русскую шею и благополучно приживается при русскомъ дворѣ уже скоро сто лѣтъ. Войдя въ Россію нищими, Ольденбургскіе въ настоящее время чуть ли не самые богатые изъ великихъ князей.

Нѣмецкая мелкопомѣстная родня русскаго царствующаго дома, вообще, сыграла самую печальную роль въ многолѣтней эпопеѣ нашихъ французскихъ войнъ, о которыхъ теперь даже оффиціальные историки, какъ Шильдеръ и Татищевъ, говорятъ, что онѣ были величайшею ошибкою русской имперской политики. За принцевъ Ольденбургскихъ и, имъ подобную, компанію Россія заплатила ужасами двѣнадцатаго года и, почти на сто лѣтъ оттолкнувъ отъ себя Францію, служила все

это время, какъ сказочный Иванъ дурачекъ, сперва Меттерниху, потомъ Бисмарку, безъ пользы и славы для себя, въ прямой вредъ и тормазъ европейскому прогрессу. Вотъ обстоятельства, которыя тоже не лишнее было бы приломить новообрѣтеннымъ французскимъ покровителямъ русскаго самодержавія, ищущимъ въ нашей революціи нѣмецкихъ вліяній.

Самый яркій фактъ въ лѣтописи морганатическихъ браковъ «дома Романовыхъ» — женитьба цесаревича Константина Павловича на полькѣ Грудзинской (княгинѣ Ловичъ). Разрѣшеніе вступить въ этотъ бракъ, влюбленный великій князь купилъ себѣ (1822 г.) отреченіемъ отъ престола, за себя и за свое потомство, въ пользу младшаго брата, вскорѣ императора Николая I. Извѣстны ужасные результаты, къ которымъ явилось поводомъ это отреченіе и, въ особенности, безтолковая тайна, въ какой актъ его держали: бунтъ 14 декабря 1825 года и многолѣтнее мученичество его участниковъ.

Великая княгиня Марья Николаевна, дочь Николая I, была замужемъ за графомъ Строгановымъ, но дѣти ея отъ Строганова оказались почему то не Строгановыми, но какими то фантастическими князьями Романовскими.

Императоръ Александръ Второй не посмѣлъ объявить императрицею свою вторую законную жену изъ княжого русскаго рода Долгорукихъ, гораздо древнѣйшаго, чѣмъ самъ «домъ Романовыхъ». Потомство отъ этого царственнаго брака носитъ опять таки фантастическую фамилію князей Юрьевскихъ.

Великій князь Алексѣй Александровичъ былъ женатъ на дочери поэта Жуковскаго. Молодая женщина не замедлила скончаться при самыхъ страшныхъ условіяхъ.

Александръ III исключилъ изъ царствующаго дома великаго князя Михаила Михайловича за женитьбу на внучкѣ поэта Пушкина.

Николай II отличается еще лучше: онъ — за произвольный бракъ съ баронессою Пистолькорсъ — вы-

гналъ изъ фамиліи и исключилъ изъ списковъ арміи, какъ разжалованнаго, дядю своего, великаго князя Павла Александровича, человѣка уже пожилого и дипломатически совершенно безопаснаго. Великій князь Павелъ человѣкъ, можетъ быть, и не важный, — кто его знаетъ! — но любопытно сравнить кару, постигшую его за нарушеніе фамильнаго обычая, съ одновременною безнаказанностью, напримѣръ, братьевъ его Владимира и Сергѣя по такимъ ужаснымъ общественнымъ преступленіямъ, какъ пресловутая ходынская давка — плодъ безпримѣрной небрежности этихъ двухъ господъ. Еще курьезнѣе терпимость высоконравственнаго царя семьянина къ многолѣтнимъ пьянымъ скандаламъ «Владимировичей», неоднократно битыхъ публично и срамившихъ своимъ развратомъ маньчжурскую армію до того, что Куропаткинъ долженъ былъ поставить царю ультиматумъ: или онъ, или Борисъ Владимировичъ останутся на театрѣ военныхъ дѣйствій, — держать при себѣ августѣйшаго безобразника генералиссимусъ больше не имѣлъ ни терпѣнія, ни возможности, ни силъ... Но вотъ — одинъ изъ Владимировичей, Кириллъ женится по любви на принцессѣ, имѣющей непріятность быть въ родственной ссорѣ съ императрицею Александрою Федоровною. Дерзновеннаго немедленно лишили чиновъ, орденовъ, военнаго званія, изгнали изъ фамильнаго союза. Теперь онъ проживаетъ въ Каннѣ, съ большимъ досугомъ размышлять о превосходствѣ роковъ надъ добродѣтелью. Впервые въ жизни человѣкъ поступилъ съ женщиною порядочно, — и наказанъ. Таковы въ царскомъ домѣ добронравія плачевные плоды!

Покойный цесаревичъ Георгій Александровичъ былъ женатъ на грузинкѣ, княжнѣ Абашидзе-Гуріели. Бракъ былъ разрѣшенъ ему только, когда врачи удостовѣрили, что дни несчастнаго молодого человѣка сочтены, а за потомство свое онъ, подобно цесаревичу Константину Павловичу, долженъ былъ подписать отреченіе отъ престола.

Великій князь Николай Николаевичъ, предполагаемый замѣститель Трепова и полудиктаторъ, числится въ календаряхъ холостымъ, что не мѣшаетъ ему быть весьма правильно и совершенно открыто, но безправно женатымъ на Буреминой, представительницѣ одной изъ богатѣйшихъ купеческихъ фамилій Петербурга. Извѣстна острота, будто бы сказанная по этому поводу Александромъ III:

— Мы, Романовы, въ родствѣ со всѣми дворами Европы... нечего дѣлать, породнимся и съ Гостинымъ дворомъ.

Даже для того, чтобы выдать сестру Скобелева, Зинаиду Дмитріевну, за столь третьестепеннаго «члена императорской фамиліи», какъ герцогъ Лейхтенбергскій, надо было сперва сочинить для сестры Бѣлаго Генерала, — въ то время, несомнѣнно, популярнѣйшаго человѣка въ Россіи, «народнаго героя», — какой то призрачный титулъ графини Богарне. Почему потомство креолки Жозефины Богарне, спавшей съ Наполеономъ Первымъ, признано при русскомъ дворѣ болѣе благороднымъ, чѣмъ потомство гренадера Ивана Скобелева, спавшаго съ Екатериною Второю, — логическая загадка: историческія заслуги обоихъ предковъ тождественны, а историческою давностью подвиги солдата Скобелева при Екатеринѣ Великой даже превосходятъ на нѣсколько лѣтъ подвиги Жозефины Богарне при Наполеонѣ Великомъ.

Въ послѣднія два царствованія, въ боковыхъ и довольно далекихъ отъ основного ствола, вѣтвяхъ «дома Романовыхъ» привились «славянскія жены»: дочери знаменитаго князя Николая Черногорскаго, владыки 276.000 душъ, котораго Александръ III, со свойственною ему откровенностью тупого, но прямого человѣка, провозгласилъ когда то своимъ «единственнымъ другомъ и союзникомъ».

Tu felix, Austria, nube! — эпиграмма, отжившая свое время, разрушенный анахронизмъ. Девятнадцатый и двадцатый вѣка могутъ рекомендовать новыхъ по-

ставщиковъ невѣстъ на царственные дома — сватовъ внѣ конкуренціи: одинъ — Христіанъ Девятый Датскій, такъ злобно выхлестанный за это сатирою Бьёрнсона, другой — Николай Черногорскій. Послѣдній имѣетъ хоть то преимущество, что онъ мужчина цвѣтущаго здоровья и, слѣдовательно, не можетъ «отравить своею кровью всѣ династіи Европы», какъ бросилъ Бьёрнсонъ упрекъ Христіану Датскому.

Итакъ, я полагаю, что доказательство наше выяснено достаточно примѣрами историческими и неопровержимыми. Эти люди, величающіе себя русскими царями, бѣлыми царями и тому подобными титулами, подчеркивающими якобы русскую ихъ народность и мнимую законность ихъ самодержавной власти надъ русскими, совсѣмъ не русскіе, но нѣмцы въ восьми поколѣніяхъ безсмѣшной крови. Равнымъ образомъ, они и не Романовы, такъ какъ родъ царей Романовыхъ вымеръ 150 лѣтъ тому назадъ.

Памятуя эту родословную, я никогда не могъ безъ смѣха слушать разсужденій о «русской душѣ» русскихъ самодержцовъ, усиленно прославляемой въ каждомъ изъ нихъ, покуда онъ царствуетъ. Особенно много «русской души» находили, какъ извѣстно, у Александра III, нѣмца въ шестомъ поколѣніи. Такъ и вспоминается картина изъ салтыковскихъ «Ташкентцовъ дѣйствія.»

Генералъ. Господа, предупреждаю, что первымъ условіемъ, чтобы зачислиться въ наше общество уловленія враговъ отечества, необходима русская душа.

Голосъ. А нѣмцу можно?

Генералъ (съ ангельскою улыбкою). Нѣмцу? Нѣмцу всегда можно, потому что у нѣмца всегда русская душа.

Развѣ что такъ... Иначе совершенно непостижимо, — когда и гдѣ, какъ и откуда. успѣваютъ всѣ эти коронованные и полукоронованные нѣмцы обзаводиться «русскою душою», хотя бы и въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, чтобы не посрамлять германизмомъ своимъ вдохновеній пресловутаго «контръ-пропагандиста», ге-

нерала Богдановича, благочестиво искупающаго, въ званіи старосты Исаакіевскаго собора и распространителя патріотическихъ брошюрокъ и картинъ, старые грѣхи взяточничества по угольнымъ поставкамъ на Черноморскій флотъ. Императора Александра II еще могли обрусить сколько нибудь воспитатели его, Жуковскій и Павскій (законоучитель, обвиненный впослѣдствіи въ не православномъ образѣ мыслей за дерзость... перевести библію на русскій языкъ). Но, вѣдь, именно у Александра Второго то наличность «русской души» современными патріотами, Богдановичами, Гришмутами, Мещерскими, и отрицается усерднѣйше!... Царь, уничтожившій крѣпостное рабство въ Россіи и создавшій на Дунаѣ независимыя славянскія княжества, опальный въ своемъ потомствѣ и въ бюрократіи, царствующей въ Россіи отъ имени Александра III и Николая II. Каковъ бы ни былъ Александръ Второй, со всѣми его преувеличенными достоинствами и замолчанными недостатками, но, конечно, онъ былъ лучшимъ въ ряду Романовыхъ девятнадцатаго вѣка. За свои грѣхи и ошибки онъ расплатился страшною казнью 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ: исторія сквиталась съ Александромъ II въ его злѣ и получила возможность и право безпристрастно отмѣчать его добро. Русскій и славянскій міръ сохранили о немъ благодарную память. Но Гатчинскій и Зимній дворцы встрѣчаютъ каждое упоминаніе объ его вѣкѣ, — «эпохѣ великихъ реформъ» — кислыми гримасами, и имя Александра II для нихъ, какъ и для ихъ министерства внутреннихъ дѣлъ, — имя измѣнника династіи и принципамъ самодержавнаго режима.

IV.

Когда я беру въ руки «Готскій Альманахъ», то, просматривая родословныя древа царствующихъ домовъ Европы, я, въ концѣ концовъ, всегда упираюсь въ ту мысль, что революціи, которыя теперь опрокидываютъ, одинъ за другимъ, троны и уничтожаютъ, одну за другой, династіи, являются не только логическимъ послѣдствіемъ соціальной борьбы, не только выражаютъ собою извѣстный политическій моментъ культурной зрѣлости народовъ, но и скрываютъ подъ собою подкладку органической борьбы расовой. Война, объявленная націями династіямъ, — явленіе не только соціально-политическое: ею управляютъ и начала антропологическія. Не шутка же половой подборъ! Въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, европейскіе и зависимые отъ Европы, троны находились во власти десятка родословныхъ корней, которые, переплетаясь сотнями отростковъ, родились только между собою, брезгая кровью остального человѣчества. Тысячелѣтіе столь замкнутой половой жизни должно было выработать потомство этого десятка корней въ спеціальную расу, дѣйствительно, значительно отчужденную наслѣдственностью отъ другихъ человѣческихъ расъ. Не помню, кто изъ французскихъ писателей изучалъ анатомію по костямъ французскихъ королей, выброшеннымъ изъ гробницъ Сенъ-Дени великою революціей. Если бы такой счастливый случай достался въ удѣлъ современному антропологу, онъ, пожалуй, опредѣлилъ бы своими измѣреніями даже физическія уклоненія королевской расы отъ братьевъ по человѣчеству. Уклоненія же психическаго порядка — внѣ сомнѣній и замѣтны каждому не подобострастному глазу. Нашъ высокоталантливый соотечественникъ профессоръ Якоби посвятилъ огромный, кропотливый и полезнѣйшій трудъ свой — Etudes sur la sélection chez l'homme именно болѣзненнымъ аномаліямъ царственности, рождающимся изъ обладанія преувеличенною

властью. Его внимательный анализъ коснулся всѣхъ европейскихъ династій, начиная съ Цезарей. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать труду Якоби, это — что, будучи врачомъ, а не историкомъ, онъ слишкомъ довѣрялся правдѣ литературы и документовъ въ эпохи, имъ изслѣдованныя. Что же касается до самаго опьяненія властью, какъ источника душевныхъ аномалій и даже острыхъ недуговъ, логическія доказательства Якоби блистательны. Приходится очень сожалѣть, что онъ ограничилъ свой анализъ дворами западной Европы и прошелъ молчаніемъ династію голштинскихъ Романовыхъ, — съ ея слабоумнымъ алкоголикомъ Петромъ Ѳедоровичемъ, нимфоманкою Екатериною Алексѣевною, безумнымъ Павломъ, почти юродивымъ подъ конецъ жизни Александромъ Павловичемъ, холоднымъ звѣремъ Николаемъ, распутнымъ Александромъ II, дикимъ помѣщикомъ Александромъ III и, для заключенія, съ Николаемъ II — этою, говоря языкомъ декадентовъ, «недотыкомкою сѣрою», которая нынѣ безхарактерно и глупо вьется и вертится между Петергофомъ и Зимнимъ дворцомъ, между Треповымъ и Витте, между варварствомъ и сантиментализмомъ, между необходимостями конечной конституціонной капитуляціи и злымъ упорствомъ самодержавнаго деспотизма. Но, при всѣхъ достоинствахъ книги Якоби, при всемъ блескѣ его доказательствъ, при всей несомнѣнности его тезиса, можно и должно пополнить послѣдній теоремою, что — въ царственныхъ аномаліяхъ психики, отравленіе властью пріобрѣтаетъ значеніе и силу обостреннаго активнаго фактора потому, что онъ попадаетъ въ среду благопріятнѣйшихъ ему факторовъ пассивныхъ, на почву исключительно цѣльной наслѣдственности и нравственнаго вырожденія, свойственныхъ царямъ въ мѣрѣ, до полноты которой далеко всѣмъ остальнымъ классамъ общества человѣческаго. Психологія царственной расы обособилась и отчудилась отъ психологіи обще-человѣческой. Вотъ почему никто такъ мало не понимаетъ обязанностей къ человѣчеству и взаимоотношеній общежитія.

какъ цари, короли, принцы — даже и тѣ, лучшіе и очень рѣдкіе изъ нихъ, которые умозрительно сознаютъ необходимость быть человѣчными и очень стараются о томъ, чтобы быть таковыми или, по крайней мѣрѣ, стяжать такую репутацію. Для меня самое смѣшное чтеніе — разсказы о подвигахъ доброты, великодушія и т. п., приписываемыхъ разными историческими льстецами и хвалителями разнымъ «добродѣтельнымъ» государямъ, вродѣ Фридриха Великаго, Іосифа II, Екатерины Великой и т. п. Всѣ эти анекдоты, которыми скверная школа и небрежная семья напитываютъ насъ съ дѣтства, — по существу, повѣствуютъ не болѣе, какъ о томъ, что вотъ въ такой то житейской встрѣчѣ царственная особа поступила довольно порядочно и прилично съ обще-человѣческой точки зрѣнія, — поступила такъ, какъ не поступить для обыкновеннаго смертнаго, не принадлежащаго къ царственной расѣ, было бы прямо подлостью. Однако, всѣ эти просто порядочные поступки и только не подлости разсказываются хвалителями съ такимъ изумленіемъ, восхищеніемъ и восторгомъ, что совершенно ясно: эти господа сами не ждутъ отъ земныхъ боговъ своихъ способности дѣйствовать хоть сколько нибудь въ согласіи съ общею человѣческою моралью, и каждый мало мальски не постыдный поступокъ земного бога уже пріятно удивляетъ ихъ, какъ совсѣмъ нечаянная внезапность. Изумительно и восхитительно, что Фридрихъ II не отнялъ чужой мельницы, потому что — «есть судьи въ Берлинѣ». Изумительно и восхитительно, что Екатерина II какъ то разъ не велѣла убить человѣка, написавшаго на нее памфлетъ. Изумительно и восхитительно, что Александръ I упалъ въ обморокъ, узнавъ, что Зубовы удавили его отца. Особенно окружена ореоломъ такихъ холопскихъ восторговъ личность Николая I, благодаря петербургскому культу къ ней въ реакціонныхъ восьмидесятыхъ годахъ. «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ», Шильдеры, Барсуковы, Татищевы засыпали русскую публику раз-

сказами объ единичныхъ великодушіяхъ этого деспота изъ деспотовъ, — и всѣ великодушія неизмѣнно того же дешеваго сорта: ждали, что ограбитъ, а онъ не ограбилъ; по разсчетамъ, долженъ былъ повѣсить, — онъ, только велѣлъ прогнать черезъ 1500 палокъ и сослать на Кавказъ въ солдаты безъ выслуги; могъ изнасиловать, а не изнасиловалъ. Историческія апологіи знаменитыхъ монарховъ, начиная съ Плиніева панегирика Траяну и до патріотическихъ листковъ генерала Богдановича, всѣ безъ исключенія построены на этой смѣшной манерѣ доказывать царскую добродѣтель отрицательными примѣрами, что тогда то государь не совершилъ такого то преступленія и не впалъ въ такіе то пороки. Всегда выносишь такое впечатлѣніе, что апологетъ, при всѣхъ своихъ почтительныхъ восторгахъ, считаетъ своего обожаемаго монарха чѣмъ то вродѣ бѣшеной собаки, которой спеціальность — кусать всякаго близъ стоящаго и, если она сего не дѣлаетъ, то, стало быть, она — четвероногій ангелъ своей породы. А, впрочемъ, народная мудрость — въ анонимной безцеремонности своей — именно такъ и понимала царей, когда создавала пословицы, вродѣ — «Гдѣ царь, тамъ и страхъ», «Близъ царя — близъ смерти», «Царь не огонь, а ходя близъ него опалишься», «До царя дойти — голову нести» и т. п. Въ недавнемъ сборникѣ корейскихъ сказокъ, изданныхъ г. Михайловскимъ-Гаринымъ, есть одна курьезнѣйшая—какъ бѣдняк притворился угадчикомъ, будто онъ разыскиваетъ пропавшія вещи, при помощи своего длиннаго носа. Наконецъ его зовутъ къ императору. Онъ угадалъ разъ, два, а затѣмъ — отрѣзалъ себѣ носъ: — Теперь, говоритъ, я потерялъ свою способность и такой же дуракъ, какъ и вы всѣ... Его отдули бамбукомъ по пяткамъ и вышвырнули изъ дворца. Надъ угадчикомъ всѣ смѣются, но онъ философически резонируетъ: «Повѣрьте, что отдѣлаться отъ знакомства съ императоромъ только носомъ — это не малое счастье!» Нѣкоторымъ исключеніемъ изъ общаго правила недоумѣлой

лести является, пожалуй, біографія Петра Великаго, полная, при всей дикости и крутонравіи этого государя, чертами, глубоко человѣчными и въ добрѣ, и въ худѣ. За то — какъ же усердно и отрицалась принадлежность этого богатыря къ царственной расѣ! Извѣстно, что онъ самъ немножко сомнѣвался въ законности своего происхожденія, и легенда, повторенная Герценомъ, гласитъ, будто Петръ однажды, въ подпитіи, присталъ съ допросомъ и даже подвѣсилъ на дыбу Ягужинскаго: твой я сынъ или нѣтъ? — А чортъ тебя знаетъ, чей ты сынъ! отвѣчалъ взбѣшенный Ягужинскій: у матушки-царицы было насъ много!

Съ другой стороны, совсѣмъ не надо вспоминать разныхъ, Калигулъ, Людовиковъ XI, Ивановъ Грозныхъ, Борджіа — то есть исключительно жестокихъ и распутныхъ государей, которыхъ конфузится даже и сама царственная раса, — къ доказательству, что мораль ея, удовлетворяясь *mitium*'омъ общечеловѣческой порядочности, допускаетъ и терпитъ невозбранно *maximum* наклонностей и дѣяній, въ человѣческомъ культурномъ общежитіи почитаемыхъ не только недостойными, позорными, скверными, но и преступными, подлежащими тяжкой уголовной отвѣтственности. Достоевскій съ поразительною силою описалъ намъ нравственныя мученія человѣка, совершившаго своею волею убійство pro bono publico. Безъ такихъ убійствъ явныхъ и тайныхъ не проходило, кажется, ни одно царствованіе, даже самое кроткое и добродѣтельное. Но царей Раскольниковыхъ исторія знаетъ очень мало. А тѣ изъ нихъ, чьи образы лѣтописи сохранили съ раскольниковскими страданіями, заболѣвали ими уже послѣ такихъ и столькихъ преступленій, что не выдержать и звѣринымъ нервамъ, не только человѣческимъ. Присутствіе страдающей совѣсти въ царѣ-преступникѣ настолько изумительно и рѣдко исторически, что за нее потомство много простило даже такой фантастически жестокой фигурѣ, какъ Иванъ Грозный, и озарило сантиментальнымъ свѣтомъ Александра I, котораго мисти-

ческій ужасъ къ совершенному имъ отцеубійству довель до преждевременной могилы, какъ говоритъ исторія, и до отреченія и кельи старца Ѳедора Кузьмича, какъ говоритъ легенда. Но эти чувства, которыхъ общество такъ жадно ищетъ въ каждомъ своемъ преступникѣ и возмущается, если не находитъ, совѣмъ не обязательны для преступниковъ въ коронахъ. Угрызенія совѣсти Ивана Грознаго или Александра Перваго опять таки — лишь трагическіе анекдоты о пріятной неожиданности найти человѣческое въ душѣ, одержимой аномаліями царственности. Екатеринѣ, чтобы утвердиться на престолѣ, пришлось умертвить двухъ царей, изъ нихъ одинъ былъ ея мужемъ. Прочитайте безчисленныя письма, которыя она весело и самодовольно разсылала въ первое десятилѣтіе своего правленія, — право, только на Сахалинѣ, въ очеркахъ Чехова или Дорошевича, можно найти типы подобнаго же равнодушія къ своимъ, какъ выражаются каторжане, «пришитымъ». Проглотила Петра Ѳедоровича съ Иваномъ Антоновичемъ — и какъ ни въ чемъ не бывала. Только очень заботится, чтобы Мировичъ былъ казненъ, да обличитель Арсеній Мацѣевичъ очутился въ каменномъ мѣшкѣ съ именемъ Андрея Враля за то, что чудакъ попробовалъ въ царственную мораль внести суровое слово человѣческой правды. У Шекспира есть двѣ великія трагедіи о царственныхъ злодѣяхъ — «Макбетъ» и «Ричардъ Ш.» «Генриха VIII» я не считаю, потому что это портретъ, написанный придворнымъ льстецомъ. Сравните стихійный мракъ и адъ отравленной, опоенной кровью Макбетовой души съ тѣмъ щегольскимъ равнодушіемъ и изяществомъ, какъ громоздитъ свои виртуозно планомѣрныя преступленія свирѣпый Глостеръ, — и вы поймете разницу между уголовною психологіей, выращенною въ условіяхъ робкой общечеловѣческой морали, и безстрашною уголовною психологіей принцевъ. Я останавливаюсь по преимуществу на семейныхъ преступленіяхъ потому, что отъ уголовщины въ дѣлахъ общественныхъ государи отгораживают-

ся щитомъ, на которомъ написаны девизы: «Интересы страны» и «Необходимость политическая». А сверхъ того отъ этихъ злодѣяній отдѣляетъ ихъ такая длинная лѣстница бюрократической передачи, что наглядное безобразіе и весь ужасъ преступленія полностью достается какому нибудь поручику Фролову, который рубитъ шашкою и видитъ, какъ брызжетъ кровь и раздается черепъ человѣческій, а во дворцѣ эти преступленія — не болѣе, какъ секундное прикосновеніе карандаша къ атласной бумагѣ. Однажды я бесѣдовалъ съ боевымъ товарищемъ Скобелева, на долю котораго выпало взорвать базаръ, минированный подкопомъ, — уже не помню, въ Геокъ Тепе или другомъ городѣ. Убило до 2000 человѣкъ. Я зналъ и знаю этого офицера за добряка и смиреѣйшаго человѣка въ частной жизни. — Воображаю, какъ мучительно досталось вамъ это порученіе! сказалъ я ему. Онъ предобродушно возразилъ: — Нѣтъ, что же? Вѣдь это, знаете, только проводы соединить... пожалъ электрическую пуговку, и готово!... Вотъ типъ истинно бюрократическаго преступленія, гдѣ — за электрическою пуговкою исчезаютъ тысячи жизней. Мы вышли изъ вѣковъ варварства, когда Петръ Великій собственноручно рубилъ головы стрѣльцамъ, и, пожалуй, рука не поднимется хватить топоромъ по человѣческой шеѣ. Но — черкнуть по бумагѣ перомъ «Николай», чтобы глупою, никому, кромѣ дворцовыхъ аферистовъ, ненужною войною уложить на поляхъ Манчжуріи триста тысячъ человѣкъ, чтобы бросить Польшу подъ разстрѣлы осаднаго положенія, тутъ не надо мужества и не велика борьба съ состраданіемъ: вопящее, стонущее, гибнущее человѣчество остается гдѣ то въ далекомъ туманѣ, а предъ глазами — только опрятная и изящная электрическая пуговка: жми! Большая разница — зачеркнуть на разстояніи бумажную жизнь имярека или непосредственно, почти на своихъ глазахъ, «развязать мѣшокъ съ костями», который носитъ имя сына Алексѣя, мужа Петра, отца Павла, и, однако, мѣшки эти развязывались,

развязываются и будутъ развязываться въ царственныхъ домахъ, пока они существовать будутъ. Такъ что же говорить объ имяpекахъ? Я былъ въ Москвѣ, когда случилась Ходынская катастрофа. Вечеромъ царь Николай былъ на балу у французскаго посла. Ждали отмѣны бала, — ея не послѣдовало. Царь проѣхалъ между мрачно безмолвными стѣнами народа, — даже охрана не посмѣла кричать ура! — и, кажется, ничего не понялъ: за что? Онъ зналъ, за что, но не понималъ. Поколѣнія власти изсушаютъ сознаніе и воображеніе личной отвѣтственности. У кого изъ монарховъ не идеалъ Людовикъ XIV, король-богъ, король-солнце, «государство—это я», человѣкъ, поглотившій собою страну, — который, еслибы не имѣлъ счастія родиться королемъ Франціи, десятки разъ заслужилъ бы себѣ клѣтку въ Шарантонѣ, какъ безнадежно одержимый горделивымъ помѣшательствомъ? Германія, изъ всѣхъ странъ Европы, наиболѣе богатая царственною расою (даже и Ницше вѣдь гордился бѣлокурымъ племенемъ *Uebermensch*'ей!), до сихъ поръ полна маленькими Людовиками съ маленькими Версалями: это тигры съ обстриженными когтями, но породу не обстрижешь! И, когда такой тигръ попадаетъ въ страну, гдѣ тиграмъ когтей не стригутъ, онъ рычитъ, какъ рычали его предки. Извѣстно, въ какія реакціонныя самозабвенности впадалъ Вильгельмъ II всякій разъ, что назѣщалъ Гатчину и Петергофъ и дышалъ восхитительными ароматами самодержавія. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, онъ надумался судить морскимъ судомъ матросовъ собственнаго экипажа, передравшихся на Невскомъ проспектѣ съ русскими моряками, приговорилъ къ смерти двѣнадцать человѣкъ и собрался вѣшать ихъ на реяхъ. Къ счастію, за этихъ горемыкъ вступилась императрица Марья Федоровна, справедливо находя, что строить висѣлицы въ чужомъ домѣ — не значитъ доставлять хозяевамъ большую радость въ семействѣ. Въ другой разъ Вильгельмъ II, гостя въ Петербургѣ, получилъ телеграмму, что произошли безпорядки въ какомъ то квар-

тирующемъ въ Лейпцигѣ, пѣхотномъ полку. Онъ немедленно и самодержавно телеграфировалъ приказъ разстрѣлять десятаго. Но — увы! немедленно же получилъ конституціонный отвѣтъ: — Unmöglich, Majestät! Ваше Величество, невозможно!... Этотъ царственный рыцарь — фигура, замѣчательно типическая для нашей темы, по откровенности, съ какою онъ выбалтываетъ манію расоваго величія, которую прочіе европейскіе монархи, одомашненные конституціями, выучились, за XIX вѣкъ, держать про себя. У него два друга въ Европѣ: султанъ Абдулъ-Гамидъ и Николай II — оба самодержцы и оба спеціалисты по массовымъ истребленіямъ своихъ подданныхъ. Когда Абдулъ-Гамидъ убивалъ сотнями тысячъ армянъ въ Малой Азіи, и Европа, не исключая Германіи, протестовала, хотя и болѣе, чѣмъ платонически, — Вильгельмъ писалъ «красному султану»: — Помни, что ты императоръ Божіею милостью и, кромѣ Бога, никто не въ правѣ указывать тебѣ, какъ надо управлять своими подданными! Когда освобождающаяся Россія пошатнула на головѣ Николая II старый самодержавный вѣнецъ, Вильгельмъ суетится въ Берлинѣ, ѣдетъ въ Бьерке, посылаетъ къ Кронштадту во спасеніе самодержавія конституціонныя канонерки, движетъ на польскую границу сто пятидесятитысячный оккупаціонный корпусъ и получаетъ отъ господина Витте въ подарокъ осадное положеніе въ Польшѣ. Этотъ удивительный государь такъ любитъ, чтобы цари разстрѣливали свой народъ, что, за невозможностью устраивать подобные спектакли у себя дома, — Unmöglich, Majestät! — утѣшается ими хоть вчужѣ на сценахъ Россіи и Турціи.

Я ограничусь легкимъ отношеніемъ царственной расы къ примитивно этическимъ вопросамъ убійства и насилія надъ жизнью человѣка, какъ самымъ грубымъ, а потому и самымъ выразительнымъ показателемъ полнаго обособленія ихъ изъ общечеловѣческой морали, для которой эти преступленія суть самыя тяжкія. Цари живутъ внѣ всѣхъ кодексовъ культуры, внѣ Моисея,

Христа, Будды, Магомета, своимъ спеціальнымъ эгоистическимъ укладомъ, отставшимъ отъ цивилизаціи на сотни лѣтъ и не желающимъ нимало ее догонять.

«Il Principe» Макіавелли почитается какъ трактатъ общей политики, геніальнымъ въ своемъ родѣ, но пессимистическимъ произведеніемъ, противнымъ нравственности новыхъ культуръ. Но онъ для нихъ и не предназначался. Заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію. «Il Principe» одна изъ немногихъ книгъ, гдѣ сущность и программа царственной расы изображены безъ всякаго лицемѣрія, какъ положительный идеалъ, писателемъ, хорошо понявшимъ эту расу и увѣровавшимъ въ ея сверхчеловѣческую цѣлесообразность. Этическое безстыдство книги смущаетъ дѣтей земли потому, что она попала въ читательскія руки не по адресу, — ей мѣсто на планетѣ, населенной царями. Для этихъ послѣднихъ ея отрицательный текстъ — положительное евангеліе. Такъ освѣщать царскую логику и психологію, какъ сдѣлалъ Макіавелли, убѣжденно восхищаясь типомъ Чезаре Борджіа и серьезно посвящая ему свою науку быть царемъ, впослѣдствіи умѣли только геніальные памфлеты и сатиры англичанъ XVII, французовъ XVIII, нѣмецкихъ евреевъ XIX вѣка и нашего Герцена — великихъ разрушителей престижа коронъ и троновъ. Этому кодексу остается лишь быть дополненнымъ параграфами о половой распущенности, принципіальнымъ и привиллегированнымъ усердіемъ въ которой царственная раса спокойно и убѣжденно донесла до XX вѣка начала первобытной поліандріи и полигаміи, со всѣми обростающими ихъ, боковыми пороками. Начиная съ Брантома, каждый вѣкъ имѣлъ своихъ бытописателей, послѣдовательно изобразившихъ то «право на развратъ», которое, какъ пережитокъ доисторической культуры, присвоила себѣ царственная раса и которое безмолвно признавалось за нею цѣлымъ рядомъ поколѣній. Брантомъ наиболѣе интересенъ тѣмъ, что онъ, какъ и Макіавелли, нисколько не памфлетиченъ. Если «Il Principe» — добросовѣстная

царская теорія къ эксплуатаціи власти, то La vie des dames galantes — столь же добросовѣстное руководствс къ царскому разврату. Для характеристикъ послѣдняго совсѣмъ нѣтъ нужды прибѣгать къ воспоминаніямъ о послѣднихъ Валуа или Стюартахъ, объ оргіяхъ регенства, о дворахъ Людовика XV, Великой Екатерины, о скандалахъ Второй Имперіи, даже о современныхъ фигурахъ, вродѣ недавно казненнаго великаго князя Сергѣя Александровича: это все—лишь апогеи, исключительныя обострснія половой эндеміи, хронически свирѣпствующей въ царственной расѣ. Гораздо болѣе этихъ отрицательныхъ крайностей характерны, напримѣръ, наивные восторги къ семейнымъ добродѣтелямъ Александра III, положительно сразившаго своихъ вѣрноподданныхъ тѣмъ неслыханнымъ чудомъ, что за 13 лѣтъ царствованія онъ не обзавелся фавориткою. Въ запискахъ одной великосвѣтской дамы двухъ прошлыхъ царствованій, къ сожалѣнію, еще не увидѣвшихъ страницъ «Историческаго Вѣстника» и «Русской Старины» по цензурному запрету, глава о воспитаніи начинается слѣдующимъ простодушнымъ заявленіемъ: «Я въ дѣвушкахъ была такъ хороша собою, что, когда въ институтъ пріѣзжали Государь или Наслѣдникъ, начальница отправляла меня въ лазаретъ». Эти Государь и Наслѣдникъ, отъ которыхъ надо было прятать мальски красивую дѣвушку, — Николай I и Александръ II: первый имѣетъ въ оффиціальной исторіи репутацію мужа пре-добродѣтельнаго и «рыцаря», второй, хотя и послабѣе, но все же не Августъ какой-нибудь Саксонскій, не Карлъ Второй и даже не Люи Наполеонъ.

Сами короли, цари, принцы и т. п., конечно, считаютъ себя особою расою и, конечно, высшею: Божіею милостію. Этотъ взглядъ подчеркивается именно тою ревностью съ которою они, какъ указано, оберегаютъ свои семьи отъ прививки не царственныхъ элементовъ. Однако, нельзя не замѣтить, что цѣльность царственнаго міровозрѣнія, нарушенная еще Великою Французскою Революціею, разсѣлась въ теченіе XIX вѣка широкою

брешью. Раса поддалась цивилизующимъ началамъ и подаетъ частые признаки, что устала отъ изоляціи своей въ родѣ человѣческомъ. Ни одинъ вѣкъ не ознаменовалъ столькими добровольными отреченіями отъ власти и отказами продолжать царственную династію, какъ вѣкъ XIX. Легенда объ отреченіи и опрощеніи въ мужичество императора Александра I покуда ничѣмъ не подтверждается. Но — что и онъ, и братъ его Константинъ, въ послѣдніе годы жизни, чувствовали острое отвращеніе къ самимъ себѣ, ко всему своему быту и слагающей его этикѣ, — этого не отрицаютъ даже и оффиціальные историки. Наиболѣе частые и рѣзкіе примѣры ужаса къ своей расѣ, съ сознательнымъ бѣгствомъ отъ нея въ человѣчество, даетъ самый знатный изъ современныхъ царственныхъ домовъ — фамилія Габсбурговъ, на склонѣ своемъ полная такихъ разочарованій, разрушеній и семейныхъ трагедій, что, кажется, и не найти ей равной въ исторіи, со времени гибели Атридовъ. Особенно въ послѣднее время участились случаи семейныхъ распаденій въ царственныхъ домахъ, свидѣтельствующіе объ открытомъ бунтѣ женщины расы противъ ея растлѣнныхъ очаговъ. Буиты эти принимаютъ покуда довольно уродливыя формы, но повсемѣстность ихъ ясно доказываетъ, что они не случайны, и всѣ эти принцессы Луизы, убѣгающія отъ мужей съ разными Жиронами, такія же показательницы расовой демократизаціи, какъ меркаторъ торговаго парохода Іоаннъ Ортъ или доктора медицины, окулистъ и гинекологъ, баварскіе Виттельсбахи, изъ которыхъ одинъ отлично исправляетъ должность окружнаго врача и краснѣетъ, когда его называютъ не Herr Doctor, но ваше величество. Демократическіе браки и уходъ въ частныя профессіи это — своего рода инстинктивное бѣгство подъ крыло человѣческой жалости сатировъ и нимфъ съ Олимпа, къ которому близятся «Сумерки боговъ», сверкающіе молніями погрозиѣе Юпитеровыхъ.

Что они, высшая раса, въ этомъ цари глубоко заблуждаются, ибо кровосмѣсительнымъ скрещеніемъ самцовъ и самокъ, въ которомъ они проводятъ вѣкъ за вѣкомъ, достигается вырожденіе и вымираніе породъ, а не совершенство ихъ. Ни одно сословіе не даетъ большого процента умопомѣшательствъ, какъ немногочисленный классъ царскихъ фамилій. И это—при самыхъ сытыхъ и бережныхъ условіяхъ жизни! При отсутствіи именно тѣхъ факторовъ нужды и истощенія, которыми главнымъ образомъ, развиваются душевные недуги въ обществѣ человѣческомъ. Но, что они стали уже особою расою въ этомъ цари правы и въ этомъ ихъ погибель. «Царственная раса», какъ спеціальная группа въ человѣчествѣ, уединилась уже настолько, что теряетъ способность возрождаться: новые демократическіе элементы, допускаемые случаемъ или политическою необходимостью въ ея ограниченную среду, уже не въ состояніи пускать въ нее корней такъ прочно и быстро, какъ то было лѣтъ четыреста или триста назадъ, во времена Медичей и Сфорца. Напротивъ: въ послѣдніе два вѣка, демократическіе элементы, привитые къ расѣ царей, не только не содѣйствуютъ ея оздоровленію, но и сами, съ чрезвычайною быстротою, чахнутъ, сохнутъ, погибаютъ. Разительный образецъ такой неудачной прививки къ расѣ царей представляетъ собою быстро разложившаяся фамилія Бонапартовъ. Вянутъ и вымираютъ, почти сплошь анормальные физически, шведскіе Бернадоты. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ столько же характерно исчезновеніе подлинныхъ,русскихъ Романовыхъ. Какъ скоро, по волѣ Петра Великаго, затворницы московскихъ теремовъ стали выходить замужъ за нѣмцовъ изъ бѣлокурой «расы царей», а московскіе царевичи были обязаны получать женъ изъ принцессъ той же породы, «раса царей» съѣла старый, мужиковатый боярскій домъ въ какія-нибудь шестьдесятъ лѣтъ и посадила на его мѣсто своихъ потомковъ, которые и верховодятъ въ Россіи вотъ уже полтора вѣка. Любопытный династическій образецъ.

какъ демократическая порода задыхается и уничтожаетъ сама себя, не только родясь съ «расою царей», но даже будучи лишь поставлена въ подражательныя ей условія жизни, представляетъ собою недавно угасшая фамилія сербскихъ Обреновичей. Она выродилась съ такою стремительностью и гнусностью, что, при всемъ ужасѣ бѣлградской бойни 1903 года, нельзя не сознаться, что коренное истребленіе этого хищнаго рода-паразита было ампутаціей, необходимою для оздоровленія больной и истощенной націи. Мужское потомство Николая Нѣгоша Черногорскаго тоже носитъ уже на себѣ роковую печать наползающаго вырожденія...

Какъ всякая раса, «раса царей» имѣетъ свои разновидности: извѣстны ея спеціальные типы, — носы Бурбоновъ, подбородки Габсбурговъ, глаза Романовыхъ и т. п. А, если хотите, то есть и общій типъ «царственной наружности», который дѣлаетъ такъ театрально похожими другъ на друга всѣхъ королей, принцовъ и царей, — а, въ особенности, женскій полъ расы, — къ какой бы фамиліи и къ какому бы государству они ни принадлежали, — на разныхъ ихъ условныхъ, символическихъ и схематическихъ изображеніяхъ: на монетахъ, маркахъ, лубочныхъ картинкахъ, рыночныхъ бюстахъ и т. д. Сходство это не только понятно, — оно обязательно. «Царственный типъ» выработанъ въ нѣсколько скудныхъ разновидностей долгимъ кровосмѣшеніемъ нѣсколькихъ старинныхъ семействъ, и человѣкъ «царственнаго типа» непремѣнно удается атавистически въ одну изъ такихъ разновидностей, какъ штампованный. Оригинальная наружность такая же великая рѣдкость въ царственныхъ семьяхъ, какъ оригинальный умъ. За двѣсти лѣтъ европейской исторіи, въ числѣ коронованныхъ особъ ея, врядъ ли можно насчитать хоть десятокъ лицъ, въ которыхъ индивидуальность господствуетъ надъ типомъ. У насъ въ Россіи счетъ этотъ ограничивается великолѣпнымъ Петромъ I, уродившимся не въ семью Романовыхъ, но въ мать Наталью Кирилловну Нарышкину, или въ того

анонимнаго отца, о которомъ, по увѣренію Ягужинскаго, только чортъ знаетъ; и безобразнымъ Павломъ Первымъ, уродившимся Богъ вѣсть въ кого. Въ потомствѣ же Павла, черезъ Николая, все штампованные лики виртембергскаго образца, по наслѣдству отъ императрицы Маріи Федоровны (второй супруги Павла, родоначальницы, царствующихъ «Романовыхъ»). Часто лики очень красивые, какъ напримѣръ, у Александра I, у Николая I, иногда не только красивые, но и симпатичные, какъ у Александра II и у сына его, цесаревича Николая Александровича, но всѣ—красивые и безобразные, добрые и злые, привлекательные и отталкивающіе — одинаковаго образца, вылѣплены по шаблонамъ «бѣлокурой царственной расы». До чего бѣдны эти шаблоны, можно судить по тому совпаденію, что сейчасъ, напримѣръ, въ царственныхъ семьяхъ русской и англійской имѣются три лица, портреты которыхъ люди невнимательные легко смѣшиваютъ по первому взгляду: императоръ Николай II, герцогъ Іоркскій и великій князь Александръ Михайловичъ. Если сходство между первыми двумя объясняется примѣсью «датской крови», то это объясненіе никуда не годится въ третьемъ случаѣ, такъ какъ Александръ Михайловичъ — сынъ великаго князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны Виртембергской. Это игра сходства не семейнаго, но расоваго.

Оригинальность въ царственныхъ семьяхъ, подчинившихся предразсудочнымъ и ошибочнымъ традиціямъ племенной выработки породистаго скота, появляется только чрезъ рѣдкіе и случайные привносы демократическихъ элементовъ: такъ, кровь захудалой дворяники Натальи Нарышкиной дала Россіи Петра Великаго. Говоря точнымъ заводскимъ языкомъ, шаблонъ породы нарушается въ «царственной расѣ» только ублюдками. Поэтому, нѣтъ ничего скучнѣе портретныхъ галлерей въ дворцахъ Романовыхъ, Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ, и т. д. Рядъ лицъ, убивающихъ воображеніе зрителя своимъ ординарнымъ однообразіемъ. Особенно замѣтна эта скудость впечатлѣнія при сравненіи съ пор-

третами правителей въ государствахъ съ выборнымъ началомъ. Не говоря уже о президентахъ республикъ, изъ которыхъ каждый, каковъ онъ ни есть, характеризуетъ общество своей эпохи своею особою физіономіей, провѣрьте эту разницу хотя бы по портретамъ римскихъ папъ: въ каждомъ дышетъ яркая индивидуальность, не скрадываемая даже единствомъ историческихъ аттрибутовъ и костюма. Когда вы разсматриваете изображенія выбранныхъ правителей, вы ищете:

— Что говоритъ это лицо?

Предъ портретами Романовыхъ, Габсбурговъ, Гогенцоллериовъ и др. — первый и послѣдній вопросъ:

— Чего можно ждать отъ этого типа?

V.

Итакъ свожу мою мысль. Царственныя фамиліи, путемъ кровосмѣсительныхъ и обособленныхъ отъ остальнаго человѣчества браковъ, выродились въ особую расу. Имъ угодно считать ее выше человѣчества («Божіею милостію»), но человѣчество съ этимъ самомнѣніемъ «царственной расы» совсѣмъ не согласно, ибо раса эта, — правда, по хищничеству своему, очень хорошо выкормленная, — въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей, чрезвычайно тупоумна; за крайне рѣдкими исключеніями, совершенно невѣжественна и, чрезъ привилегіи безнаказанности, развила въ себѣ множество спеціальныхъ пороковъ, остальному человѣчеству недоступныхъ и почитаемыхъ въ немъ за сквернѣйшія преступленія. Такимъ образомъ, царственная раса стоитъ въ человѣчествѣ опаснымъ исключеніемъ изъ общей морали и права, живущимъ бездѣльно, роскошно и порочно, за счетъ національныхъ грушъ, которыми она питается, какъ нѣкій хищный паразитъ, пожирая и уничтожая всѣхъ, кто пытается противопоставить ея аппетитамъ свои права общечеловѣческаго

равенства и братства. Представляя собою результатъ наслѣдственнаго вырожденія и вѣковаго одичанія въ узко фамильной замкнутости, «царственная раса» отстала отъ всего человѣчества на много столѣтій умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Цѣли ея существованія низменны, средства достиженія всегда коварны, грубы и жестоки. Самодержавіе есть огромное сцѣпленіе расоваго зла, которое зломъ же и поддерживается. Этотъ расовый и неискоренимый характеръ самодержавнаго зла дѣлаетъ законною и необходимою борьбу съ нимъ не только по соображеніямъ соціальнаго и политическаго порядка, но и съ точки зрѣнія антропологической: въ современныхъ революціяхъ, помимо, временныхъ и преходящихъ причинъ и поводовъ, дышетъ неизмѣнный культурный инстинктъ человѣчества, устремляющій дѣятельность свою къ повсемѣстному уничтоженію пороговъ и препонъ на пути цивилизаціи къ всемірному единству и братству народовъ. Борьба съ автократическою расою соединяетъ въ себѣ процесы самозащиты и движенія впередъ націй, зрѣлыхъ, растущихъ и жизнеспособныхъ; она основа ихъ историческаго прогресса, безъ которой немыслимъ его свободный и успѣшный ходъ; она уничтожаетъ чисто зоологическія, такъ сказать, опасности прошлаго и настоящаго и даетъ гарантіи безопаснаго будущаго. Борясь съ самодержавіемъ, современный революціонеръ повинуется тому же естественному закону, по которому Геркулесъ, Тезей, Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ истребляли сказочныхъ властелиновъ доисторическаго міра — полулюдей — полуживотныхъ: кентавровъ, минотавровъ, Соловьевъ-разбойниковъ и Змѣевъ-Горынычей — чудовища человѣкообразныя и сверхъестественной силы, но не человѣческія. Современныя революціи — естественная борьба человѣчества противъ вредной двуногой породы, наслѣдственно созданной тысячелѣтними условіями искусственнаго полового подбора и алчнаго, свирѣпаго паразитизма. Всѣ подобныя породы, принципіально и зоологически враждебныя цивилизаціи,

должны быть или покорены и приручены человѣчествомъ или истреблены. Таковъ культурный законъ. И — въ томъ политическій процессъ противо-династическихъ революцій. Когда судили Людовика XVI, раздался голосъ, произнесшій фразу столь многозначительную, что почти мистическую:

— Онъ достоинъ смерти за то, что онъ былъ королемъ!

Мы живемъ въ бурную эпоху, которая повторила уже много подробностей Великой Французской Революціи, и надо отдать справедливость петербургскимъ верхамъ — они будто подрядъ взяли стараться, чтобы зловѣщихъ паралелей этихъ накоплялось все больше и больше.

Quos vult perdere, dementat! Петергофъ превратился въ вулканъ преступленій противъ общества, заботающій съ постоянствомъ, почти механическимъ. Настолько, что даже, когда тамъ собираются сдѣлать уступку въ сторону порядочности, то, по неловкости и неискренности, превращаютъ ее въ новую гнусность. Хвастаютъ амнистіей — и даютъ обществу подлогъ частнаго помилованія. Печатаютъ манифестъ о четырехъ свободахъ — и вооружаютъ черныя сотни бить и рѣзать всѣхъ, кто свободамъ повѣритъ. Дразнятъ конституціей — и объявляютъ осадное положеніе въ Польшѣ. Отмѣняютъ смертную казнь, — и приговариваютъ къ разстрѣлянію 300 человѣкъ кронштадцевъ. Учреждаютъ отвѣтственное министерство, — и должны составить его изъ департаментскихъ сторожей, потому что даже и въ правыхъ рядахъ общества не нашлось человѣка, настолько неосторожнаго, чтобы правительству Николая II — — какъ бы оно ни называлось — Витте ли, Треповъ ли — повѣрить. Господинъ Витте, въ удовлетвореніе общественнаго мнѣнія, убираетъ г. Трепова со сцены за кулисы, и даже притворяется, будто такого актера въ труппѣ больше нѣтъ. А неблагодарное общественное мнѣніе, чѣмъ бы броситься въ объятія перваго

(и единственнаго!) министра, находитъ, что предъ нимъ разыгрываютъ финальную сцену изъ «Горе отъ ума». Въ то время, какъ Александръ Андреевичъ Витте энергически упрекаетъ Софью Павловну Трепову, что обязанъ ей позоромъ, общество зажимаетъ уши и твердитъ, какъ Фамусовъ:

— Другъ! Не финти! Не дамся я въ обманъ: хоть подеритесь, — не повѣрю!

Все, все дѣлается правительствомъ очень скверно. Но, еслибы дѣлалось и хорошо, — поздно! Да! Поздно, не нужно, безсильно! Нѣтъ поворотовъ назадъ и не будетъ примиренія съ настоящимъ! Вѣкъ переросъ всѣ конституціонные компромиссы, до которыхъ въ состояніи додуматься царственная раса и ея клевреты. Очень можетъ быть, что мы будемъ свидѣтелями даже не одного, а нѣсколькихъ подобныхъ компромиссовъ, но они — лишь стекла въ калейдоскопѣ и будутъ мѣнять свои цвѣтныя фигуры съ калейдоскопическою же капризностью и быстротою, пока тяжелая рука народа не овладѣетъ инструментомъ политическихъ призраковъ и обмановъ и не отброситъ его презрительно, чтобы смотрѣть на свѣтъ простымъ и прямымъ глазомъ. Какіе красивые многоугольники ни вырисовывай монархическій калейдоскопъ, ихъ разноцвѣтныя пятна будутъ слишкомъ напоминать о пятнахъ неповинной крови, которыми безсмысленно исхлестала и хлещетъ, хлещетъ, хлещетъ карту Россіи бездарная и злая петербургская пятерня. Нѣтъ поворота, не будетъ примиренія и да будетъ проклято забвеніе! Времена исполняются и плодъ свободы созрѣлъ. Тотъ, кто нынѣ пытается обмануть Россію фальшивою амнистіей, скоро самъ будетъ нуждаться въ амнистіи настоящей, потому что — повторяю вамъ слова «Краснаго Знамени»:

Близокъ судный день расплаты,
Когда судьями будемъ мы!

Мракъ на землѣ, на востокѣ играютъ подъ тучами зори... кровавыя, страшныя зори! Но, гдѣ заря, тамъ и солнце, и я вѣрую, глубоко вѣрую, господа, что то солнце, которое еще спитъ тамъ за русскимъ горизонтомъ, въ концѣ концовъ будетъ солнцемъ не только народа, но и народовъ — новымъ солнцемъ Русской Федеративной Республики!... Отъ всей души привѣтствую тѣ самоотверженныя силы, что летятъ на родину разгонять черныя тучи, предательски нависшія надъ зорями нашего солнца. Счастливый путь! Исторія не забудетъ ни труда вашей мысли, ни труда вашихъ рукъ! И жизнь, и пѣснь обновленной Россіи будутъ полны могучими снами вашей героической борьбы, и, когда свершитъ она свои близкія, неотвратимыя, свѣтлыя судьбы, счастливъ тотъ, кто будетъ въ правѣ сказать о себѣ современности и потомству:

— «На обломкахъ самовластья пишите наши имена!»

Библіотека
Института В. И. Ленина